

<https://doi.org/10.25312/j.10352>

Serhii Fominykh <https://orcid.org/0009-0004-8515-7118>
University of Szczecin
e-mail: 241823@stud.usz.edu.pl

Анализ изменений пропагандистских нарративов в выступлениях Владимира Путина в период с 2007 по 2024 гг.

Analysis of the transformation of propaganda narratives in Vladimir Putin's speeches (2007–2024)

Абстракт

В статье исследуется эволюция пропагандистских нарративов в официальных выступлениях Владимира Путина в период с 2007 по 2024 год. Цель исследования – выявить изменения в структуре политического дискурса, риторических стратегиях и механизмах манипулятивного воздействия в российской государственной риторике. Анализ основан на когнитивно-дискурсивном подходе и авторской модели 4М, охватывающей ментальные пространства, эмоциональную манипуляцию, метафорическое фреймирование и Массированные искажения. Материалом послужили избранные публичные выступления, связанные с международной безопасностью, Украиной и концепцией многополярного мира. Результаты показывают переход от сравнительно рациональной критики однополярного миропорядка в 2007 году к эмоционально мобилизующей риторике, основанной на фреймах экзистенциальной угрозы, исторической миссии и борьбы за выживание. Выявлено усиление оппозиции «Россия – Запад», рост стратегий запугивания и демонизации противника, а также активное использование историко-мифологических конструкций для легитимации политических решений. Делается вывод, что данные нарративы формируют устойчивую когнитивную модель, в которой Россия представлена одновременно как жертва внешней агрессии и защитник глобальной справедливости.

Ключевые слова: пропаганда, политический дискурс, нарратив, метафорическое обрамление, когнитивный анализ, ментальные пространства, Владимир Путин, модель 4М

Abstract

This article examines the evolution of propaganda narratives in Vladimir Putin's official speeches from 2007 to 2024. It aims to identify changes in political discourse, rhetorical strategies, and mechanisms of manipulative influence in Russian state rhetoric. The analysis is based on a cognitive-discursive approach and the author's 4M model, covering mental spaces, emotional manipulation, metaphorical framing, and large-scale distortion. The material consists of selected public speeches concerning international security, Ukraine, and the idea of a multipolar world. The findings show a shift from a relatively rational critique of the unipolar world order in 2007 to emotionally mobilising rhetoric based on frames of existential threat, historical mission, and struggle for survival. The analysis reveals the intensification of the Russia–West opposition, the growing use of intimidation and enemy demonisation, and the increasing reliance on historical and mythological constructs to legitimise political decisions. The article argues that these narratives construct a stable cognitive model in which Russia is presented both as a victim of external aggression and as a defender of global justice. The study demonstrates the usefulness of the cognitive-discursive approach for analysing contemporary political propaganda.

Keywords: propaganda, political discourse, narrative, framing, cognitive analysis, mental spaces, Vladimir Putin, 4M model

Введение

Вопросы пропаганды в последние годы приобрели особую научную значимость, что связано не только с ростом международной напряжённости, но и с изменением способов распространения информации. В условиях, когда медиaprостранство становится ключевой ареной формирования общественного восприятия, политическая коммуникация всё чаще используется как механизм влияния на коллективные представления и интерпретации событий.

Сегодня пропагандистские практики рассматриваются не столько как традиционные техники убеждения, сколько как сложные дискурсивные конструкции, создающие для аудитории определённую модель мира. Они опираются на набор культурно укоренённых образов, когнитивных схем и эмоциональных импульсов, которые определяют, как интерпретируются политические процессы и какие смыслы оказываются доминирующими.

Особое внимание в контексте подобных исследований привлекают публичные выступления политических лидеров. В условиях обострения глобальных конфликтов такие высказывания становятся не только отражением политического курса, но и средством идеологической консолидации общества, инструментом легитимации внешне- и внутривполитических решений.

С начала 2000-х годов дискурс Владимира Путина постепенно формирует устойчивую систему смыслов, противопоставляющую Россию внешним центрам силы. Уже в Мюнхенской речи 2007 года появляются ключевые элементы будущей риторики: критика однополярного мира, апелляции к справедливости, защита суверенитета и представление России как самостоятельного геополитического субъекта.

После 2014 года структура этих нарративов трансформируется: усиливаются исторические аргументы, расширяется эмоциональный компонент, вводятся категории «угрозы», «наследия», «миссии» и «борьбы». В период 2022–2024 годов риторика приобретает черты мобилизационного дискурса, где события интерпретируются

через противопоставление «своего» и «чужого», а политическая реальность описывается с помощью метафор войны, катастрофы и спасения.

Таким образом, дискурс российской власти за почти два десятилетия проходит путь от рационально-аргументированной критики мирового порядка к эмоционально-насыщенной конструкции, объединяющей исторические интерпретации, идеологические рамки и образы экзистенциальной угрозы. Эта динамика делает анализ подобных выступлений значимым для понимания механизмов современного политического влияния и трансформации государственной риторики.

Настоящая статья направлена на системное описание того, как менялись пропагандистские нарративы в публичных выступлениях Владимира Путина на протяжении 2007–2024 годов. Анализ проводится с опорой на дискурсивный и когнитивный подходы и охватывает ключевые этапы формирования риторики российской власти в условиях меняющегося политического контекста.

В рамках работы решаются следующие исследовательские задачи:

- выявить доминирующие нарративы в разные периоды политической коммуникации;
- проследить их трансформацию на уровне фреймов, концептов и эмоциональных стратегий;
- определить, какие элементы риторики становятся центральными в период кризисов и вооружённых конфликтов;
- показать, каким образом риторические структуры взаимодействуют с идеологическими и историческими интерпретациями.

Теоретические основания исследования

Анализ политического дискурса требует опоры на комплексный теоретический аппарат, способный учитывать когнитивные механизмы осмысления реальности, структуру высказываний и способы организации смыслов. В данной работе сочетаются подходы когнитивной лингвистики, теории фреймов, нарратологии и исследований дезинформации, что позволяет рассматривать пропагандистский текст одновременно как лингвистический, когнитивный и идеологический феномен.

Современная пропаганда представляет собой не только инструмент риторического воздействия, но и механизм конструирования определённой версии действительности. В её основе лежат устойчивые повествовательные схемы (нарративы), которые задают интерпретационные рамки для восприятия событий. Нарративы типа «мы – защитники», «Запад – угроза», «Россия – хранитель справедливости» функционируют как когнитивные структуры, определяющие эмоциональные реакции, оценки и поведенческие выводы аудитории.

Фреймовая модель объясняет, как язык активизирует определённые «сценарии» интерпретации. Согласно Ч. Филлмору (Fillmore, 1982: 111–137), значение слова опирается на более широкую структуру знаний – фрейм. Дж. Лакофф (Lakoff, 2004: 3–34) развивает эту идею, показывая, что политическая коммуникация прямо

опирается на конкурирующие фреймы. Например, употребление слов «угроза», «оборона», «геноцид», «освобождение» автоматически активирует необходимые для пропаганды структуры смыслов – защиту, моральный долг, противостояние врагу. Эти фреймы определяют, какие интерпретации становятся «естественными» или «правильными» для аудитории.

Нарратологический подход позволяет рассматривать политические высказывания как связанные системы, организующие события в логическую и эмоциональную последовательность. В когнитивной перспективе (Fauconnier, Turner, 1998: 133–187; 2002: 40–44) такая организация опирается на ментальные пространства – временные, исторические, эмоциональные и культурные. Политические лидеры активно конструируют и смешивают эти пространства: соединяют современность с прошлым, реальные события – с мифологизированными образами, что усиливает эмоциональное воздействие. Такое «когнитивное смещение» лежит в основе многих пропагандистских приёмов.

Для анализа политической риторики важно учитывать механизмы дезинформации и манипулятивного воздействия. Модель 4D, предложенная Беном Ниммо и подробно описанная в материалах Университета Мичигана (*What is Disinformation, Misinformation, and Fake News?*, 2022), выделяет четыре основных стратегии: отрицание, искажение, отвлечение и запугивание.

Настоящее исследование использует расширенную авторскую модель 4М, опирающуюся на модель 4D и результаты польских когнитивно-дискурсивных исследований выполненные Цезарем Орнатовским (Ornatowski, 2021: 14–39), Эльжбетой Табаковской (Tabakowska, 2010: 594–603), Романом Гаваркевичем (Gawarkiewicz, 2024: 181–197) и Агнешкой Либурой (Libura, 2010: 13–58).

Модель 4М включает четыре аналитических аспекта:

1. Ментальные пространства – реконструкция ключевых оппозиций («мы – они», «угроза – защита», «хаос – порядок»), исторических параллелей и символических структур, формирующих восприятие политической ситуации.
2. Манипуляция эмоциями – выявление апелляций к страху, гневу, гордости, жертвенности; анализ эмоциональных триггеров, используемых для мобилизации или демонизации.
3. Метафорическое кадрирование – изучение устойчивых образов («крепость», «борьба», «осада», «спасение», «историческая миссия»), определяющих структуру аргументации.
4. Массированное искажение – фиксирование случаев исторических манипуляций, подмены причинно-следственных связей, упрощения сложных процессов, гиперболизации угроз.

Данная модель позволяет системно анализировать риторику Путина на протяжении почти двух десятилетий и выявлять эволюцию стратегий политического воздействия.

Исследовательский материал и метод его анализа

Материалом исследования служат шесть ключевых публичных выступлений Владимира Путина, охватывающих период с 2007 по 2024 год и отражающих динамику российской внешнеполитической и внутреннеполитической риторики:

1. Мюнхенская конференция по безопасности (10.02.2007) (Putin, 2007).
2. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (19.09.2013) (Putin, 2013).
3. Обращение по поводу «присоединения» Крыма (18.03.2014) (Putin, 2014).
4. Обращение к гражданам России (21.02.2022) – предвоенное выступление (Putin, 2022a).
5. Обращение к гражданам России (24.02.2022) – объявление о начале СВО (Putin, 2022b).
6. Встреча с руководством МИД России (14.06.2024) (Putin, 2024).

Эти выступления представляют последовательную линию эволюции пропагандистских нарративов, от рациональной критики международного порядка в 2007 году до эмоционально-мобилизационного дискурса 2022–2024 годов. Такой подбор корпуса позволяет проследить развитие ключевых фреймов, метафорических моделей, образов врага и стратегий идеологического воздействия.

Отбор материалов основан на трёх критериальных признаках:

- Политическая значимость – выступления представляют собой официальные заявления высшего государственного уровня.
- Репрезентативность – каждый текст отражает новый этап во внешнеполитической доктрине и служит маркером изменения риторики.
- Доступность и верифицируемость – тексты доступны на официальных платформах (Kremlin.ru), что исключает риск искажений.

Методы анализа включают взаимодополняющие аналитические подходы:

Контент-анализ

Используется для выявления:

- тематических групп и маркеров пропагандистского дискурса;
- повторяющихся метафорических цепочек (борьба, защита, угроза, гибель, очищение и др.).

Дискурсивный анализ

Позволяет исследовать структуру аргументации, способы конструирования образа врага, ролевые позиции («мы», «они», «Запад», «русский мир»).

Когнитивный анализ

Ориентирован на:

- реконструкцию ментальных пространств (Fauconnier, Turner, 1998: 133–187; 2002: 40–44),
- выявление концептуальных схем,
- анализ метафорических моделей и фреймов (Fillmore, 1982: 111–137; Lakoff, 2004: 3–34).

Сравнительно-исторический анализ

Используется для определения:

- устойчивых элементов риторики,
- изменений в идеологических акцентах,
- цикличности или усиления отдельных нарративов.

Микроконтекстный анализ

Предполагает детальное изучение минимальных контекстов:

- предложений,
- словосочетаний,
- коллокаций,

что позволяет выявить прагматический эффект каждого ключевого элемента.

Совмещение когнитивного, дискурсивного и контент-аналитического подходов позволяет:

- интегрально описать изменение пропагандистских нарративов;
- выявить глубинные когнитивные механизмы, скрытые за поверхностными лексическими изменениями;
- сопоставить эмоциональные, фреймовые и концептуальные стратегии воздействия;
- проследить переход от рациональной критики к эмоционально-апокалиптическому дискурсу.

Такой комплексный подход соответствует современной практике исследования политической риторики и обеспечивает высокую аналитическую точность.

Эволюция пропагандистских нарративов (2007–2024)

Эволюцию пропагандистских стратегий, манипуляции и общих нарративов в выступлениях Владимира Путина можно представить в виде таблицы 1: Хронологический анализ главных нарративов речи Владимира Путина в период с 2007 по 2024 гг., с ключевыми характеристиками для каждого периода:

Таб. 1. Хронологический анализ главных нарративов речи Владимира Путина в период с 2007 по 2024 гг.

Аспекты анализа	Мюнхенская конференция (10.02.2007)	Валдайский форум (19.09.2013)	Аннексия Крыма (18.03.2014)	Речь перед началом СВО (21.02.2022)	О начале СВО (24.02.2022)	Встреча с МИД (14.06.2024)	Изменения/Тенденции
Основные враги / Образ врага	США, НАТО, Западная гегемония	Запад, США, либерализм	Запад, Украина, предатели	Украина, коллективный Запад	Украина, НАТО, коллективный Запад	Коллективный Запад, США, НАТО	Углубление образа врага от конкретных стран до абстрактного «Запада», что объединяет США, НАТО, либерализм.
Ментальные пространства	Противопоставление однополярности и многополярности	Россия как хранитель традиций и суверенитета	Россия как защитник русского мира	Россия против агрессивного Запада и нацистской Украины	Россия как защитник Донбасса и русскоязычного населения	Россия как оплот многополярности и стабильности	Переход от борьбы за многополярность к защите «русского мира» и культурных ценностей, Россия – оплот стабильности.

Аспекты анализа	Манипуляция эмоциями	Мюнхенская конференция (10.02.2007)	Валдайский форум (19.09.2013)	Аннексия Крыма (18.03.2014)	Речь перед началом СВО (21.02.2022)	О начале СВО (24.02.2022)	Встреча с МИД (14.06.2024)	Изменения/Тенденции
		Страх перед потерей суверенитета	Гордость за «особый путь» России	Страх и гордость за возвращение Крыма	Страх за безопасность России и Донбасса	Страх геноцида и гордость за российскую независимость	Страх глобального кризиса и гордость за роль России в урегулировании	Эмоции становятся более ответственными и направлены на создание чувства осажденной крепости и миссии защиты.
		Борьба за многополярный мир	Защита традиций и суверенитета	Воссоединение с Крымом как восстановление справедливости	Россия как защитник против внешней агрессии	Метафора «осажденной крепости» и защиты	Россия как гарант глобальной безопасности	Углубление метафор защиты и борьбы за выживание – от защиты суверенитета до защиты глобального порядка.

Аспекты анализа	Мюнхенская конференция (10.02.2007)	Валдайский форум (19.09.2013)	Аннексия Крыма (18.03.2014)	Речь перед началом СВО (21.02.2022)	О начале СВО (24.02.2022)	Встреча с МИД (14.06.2024)	Изменения/Тенденции
Массированное искажение	Искажение роли Запада в мировой политике	Преувеличение морального упадка Запада	Историческая фальсификация о Крыме	Преувеличение угрозы для России от Украины и НАТО	Искажение истории, обвинения в геноциде	Обвинение Запада в разжигании мирового кризиса	Систематическая эскалация искажения фактов, акцент на глобальные угрозы и «справедливые» военные действия.
Главные нарративы	Запад пытается сохранить гегемонию	Россия – защитник традиционных ценностей	Россия восстановила справедливость через аннексию Крыма	Запад и Украина – прямые угрозы для безопасности России	Россия защищает Донбасс и мир от нацизма и западной агрессии	Россия – лидер многополярного мира и мировой стабильности	Нарративы становятся более воинственными, риторика борьбы и защиты от внешних угроз доминирует

Источник: собственная работа.

Мюнхенская речь (2007)

В 2007 году, в своей знаменитой Мюнхенской речи, Путин впервые открыто обозначил своё неприятие однополярного мира, сложившегося после холодной войны. Его риторика фокусировалась на необходимости многополярности, критике доминирования США и роли НАТО. Темы международной безопасности, уважения к суверенитету государств и угрозы новой гонки вооружений звучали относительно умеренно. Образ России представлялся как миролюбивой, но сильной державы, стремящейся к справедливости и равноправному диалогу. Это было время, когда отношения с Западом ещё сохраняли возможность компромисса, хотя недоверие уже нарастало.

Ключевые элементы нарратива 2007 года:

- дискурс международной справедливости (*«однополярная модель неработоспособна»*);
- рациональная критика Запада без демонизации;
- позиционирование России как равноправного игрока, а не жертвы;
- минимальная эмоциональная агрессия.

Фреймы:

- *многополярность*;
- *баланс сил*;
- *несправедливость международного порядка* (Fillmore, 1982: 111–137; Lakoff, 2004: 3–34).

Речь 2007 года остаётся наиболее «рациональной» и наименее пропагандистской среди всех анализируемых текстов.

К 2014 году, а особенно после аннексии Крыма, в риторике Путина произошёл качественный скачок. Его речи заполнили образы «исторической справедливости» и «воссоединения русского мира». Крым представлялся как символ восстановления национальной гордости и защиты русскоязычных граждан от якобы надвигающейся угрозы «фашизма» в Украине. Образ Запада трансформировался из гегемона в разрушителя мирового порядка, использующего Украину как инструмент против России. Этот период стал началом открытого противостояния с Западом, что отразилось в санкциях, изоляции и росте националистической риторики.

Валдай (2013) – формирование концепта «Русского мира»

В 2013 году (выступление на дискуссионном клубе «Валдай») дискурс смещается от глобальной критики к культурно-идеологической теме. Появляется систематизированный нарратив о «традиционных ценностях», представляющий Россию как цивилизационную альтернативу Западу.

Ключевые элементы:

- концепт «Русского мира» как наднациональной культурной общности;
- противопоставление: *духовность – декаданс, традиция – либерализм*;
- эмоциональная легитимация власти через заботу о «традиционной семье» и «моральном порядке».

Фреймы усиливаются:

- *культурная оборона*;
- *моральная миссия*;
- *Запад как нормативный враг*.

Здесь впервые появляются элементы сакрализации государства и исторического пути.

Аннексия Крыма (2014) – нарратив «исторической справедливости» и «защиты»

Речь 18 марта 2014 года знаменует резкий поворот в риторике. Впервые используются сильные эмоционально-мобилизационные нарративы, основанные на образах угрозы, восстановления «исторической правды» и защиты русскоязычного населения.

Основные элементы:

- нарратив «возвращения» («*Крым всегда был русским*»);
- историческое смешение ментальных пространств (Fausconnier, Turner, 2002: 40–44) сопоставление 2014 года с событиями XVIII–XX вв.;
- демонизация оппонента («*националисты*», «*путчисты*»);
- метафорика спасения и защиты, фрейм обороны;
- героизация России.

Речи февраля 2022 года

В 2022 году, накануне и после начала так называемой «специальной военной операции» в Украине, пропагандистская стратегия Путина достигла нового уровня. Его выступления стали насыщены драматизмом и манипуляцией. Центральными темами стали «угроза НАТО» необходимость «*денацификации*» Украины и защита «исторической правды». Использовались образы России как жертвы агрессии Запада и одновременно как защитника традиционных ценностей. Страх, ненависть и гордость стали основными эмоциональными рычагами, которыми Путин стремился мобилизовать общество на поддержку своих действий.

2022 год (21 февраля).

Обращение 21 февраля 2022 года — предвоенное, максимально насыщенное идеологическими конструкциями.

Главные характеристики:

- тотальная делегитимация Украины («искусственное государство»);
- исторический ревизионизм и ретроспективное смещение пространств (Fauconnier, Turner 2002: 38–52);
- фрейм катастрофы («угроза русскому миру») и фрейм морального долга («геноцид») (Fillmore 1982; Lakoff 2004);
- создание атмосферы неотвратимой угрозы;
- обвинение Запада в подготовке агрессии против России.

Это крупнейший скачок в радикализации дискурса с 2014 года.

2022 год (24 февраля). Речь о начале «СВО» — нарратив «освободительной войны»

Обращение 24 февраля 2022 года вводит новый уровень пропагандистской мобилизации.

Ключевые элементы:

- концепт «специальной военной операции» как миссии по «защите» и «очищению»;
- образ «нацистского врага»;
- фрейм избавления/очищения, характерный для мессианской риторики;
- образы жертвы и героя («Россия вынуждена защищаться»);
- чрезвычайно высокая эмоциональная насыщенность.

С 24 февраля 2022 года пропагандистский дискурс становится открыто милитаризованным и апокалиптическим.

2024 год и финальная радикализация

К 2024 году риторика Путина приобрела фундаментальный характер. Россия всё чаще описывалась как крепость, окружённая врагами, а борьба с Западом – как «крестовый поход за выживание» и защиту истинных ценностей. Образ Запада окончательно лишился человечности, превратился в символ моральной деградации и угрозы мировой стабильности. Метафоры «предательства» и «героизма» стали ключевыми элементами его выступлений, а риторика всё больше обращалась к эмоциональному восприятию аудитории. Эта эскалация совпала с продолжением международной изоляции России, усилением санкций и попытками Кремля заручиться поддержкой стран, настроенных против Запада.

Выступление 14 июня 2024 года демонстрирует максимальную идеологическую радикализацию. Россия позиционируется как «последняя крепость цивилизации», а Запад – как источник «разрушения», «морального разложения» и «чуждой агрессии».

Основные элементы:

- нарратив «миссии спасения мира»;
- тотальная демонизация Запада;
- фрейм предстоящей мировой катастрофы;
- мифологемы судьбы, жертвы, очищения;
- героизация России как уникального субъекта истории.

Стратегии модели 4М ярко выражены:

- ментальные пространства создают образ эпической борьбы;
- эмоции используются как инструмент мобилизации;
- метафорическое кадрирование строится на образах войны, тьмы, света, судьбы;
- фактические искажения становятся системными и ожидаемыми.

Изменение образа врага

2007–2014: на ранних этапах риторика Путина была сосредоточена на критике однополярного мира, где главной угрозой выступали США и НАТО. В выступлении на Мюнхенской конференции 2007 года США и их союзники изображались как силы, дестабилизирующие международный порядок и подрывающие суверенитет других стран. Эта риторика была построена на противопоставлении России как независимого игрока западной «гегемонии».

Пример: «Что же такое однополярный мир? Это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения».

Главный акцент был на критике системы международных отношений, навязанной Западом после окончания холодной войны.

2014–2022: после аннексии Крыма в 2014 году акцент на Запад как непосредственную угрозу для России значительно усилился. Враги превращались в активных участников подрыва российской государственности, что оправдывало агрессию по отношению к Украине. Запад теперь изображался не только как разрушитель международного права, но и как военная угроза для России, а Украина – как марионетка Запада.

Пример: «Страна [Украина] находится даже не под политическим и экономическим протекторатом, а сведена до уровня колонии с марионеточным режимом».

США и НАТО усиливают свои позиции как ключевые «агрессоры», а Украина приобретает статус «предателя», разорвавшего историческую связь с Россией.

В этот период также появляется концепция «русского мира», оправдывающая вмешательство России в соседние страны, где живёт русскоязычное население.

2022–2024: с началом войны в Украине враг приобрёл ещё более чёткие очертания – «коллективный Запад», который стремится ослабить Россию через поддержку Украины и санкционное давление. Образ врага стал символом глобального антагониста, угрожающего не только безопасности России, но и её существованию. Параллельно усиливается риторика «войны цивилизаций», где Запад представлен как деструктивная сила, разрушающая традиционные ценности, а Россия – как последний оплот морали и стабильности. Украина представляется не как самостоятельный участник, а как инструмент в руках НАТО и США.

Пример: «Западные страны взяли линию на поглощение и военно-политическое освоение близких к нам территорий. Они пытались превратить в свой плацдарм и Украину, сделать её «анти-Россией».

Изменения ментальных пространств

Путин активно использует ментальные пространства, где западная цивилизация изображается как чуждая и враждебная, тогда как Россия воплощает традиционные ценности и порядок.

Свой против чужого: на протяжении всего периода риторика Путина сохраняет чёткое разделение на «своих» (Россия, её союзники, русскоязычное население) и «чужих» (Запад, НАТО, либеральные ценности). Это разделение становится всё более жёстким к 2024 году.

Эволюция концепции «русского мира»: В 2014 году Путин вводит концепцию «русского мира», связывая её с защитой русскоязычного населения за пределами России, в частности в Крыму и Донбассе. В 2022 году эта идея расширяется, превращаясь в оправдание масштабной военной операции.

Сакрализация суверенитета: с 2014 года идея суверенитета становится центральной в ментальных пространствах. Россия изображается как последняя линия защиты от разрушительного влияния Запада, борющаяся за сохранение независимости. В 2022–2024 годах ментальные пространства стали ещё более чёткими и агрессивными, где Россия изображается не просто как защитник своих границ, но как защитник мировой стабильности. В это время особое внимание уделяется сакрализации суверенитета, изображаемого как священный долг государства, что оправдывает любые действия в защиту национальных интересов.

Изменения эмоциональных манипуляций

Эмоциональные манипуляции в выступлениях Путина стали важнейшим элементом его риторики, особенно в контексте мобилизации общественного мнения. На протяжении всего периода заметно преобладание двух эмоций: страха и гордости.

Страх: в ранних речах (2007) страх был направлен на угрозы гегемонии Запада и однополярного мира. В 2014 году, с аннексией Крыма, страх нарастает и конкретизируется: НАТО и США изображаются как непосредственная угроза безопасности России. Страх перед «Западной агрессией» становится доминирующей эмоцией. В 2022–2024 годах страх усиливается упоминанием угрозы геноцида русскоязычных, милитаризации Украины и военных действий НАТО.

Гордость: эта эмоция является важным элементом риторики Путина с самого начала его выступлений. Была важна в 2013 году, когда Россия позиционировалась как хранительница традиционных ценностей. В 2014 году особый акцент делается на гордость за возвращение Крыма и защиту русскоязычного населения. В более поздний период (2022–2024 гг.) гордость за участие России в «справедливой» борьбе за многополярный мир и защиту суверенитета становится одной из ключевых эмоций, на которых строится внутренняя поддержка правительства.

Невисть к Украине: в ранних речах Украина не занимала ключевой позиции, однако с 2014 года она становится главным объектом негативной риторики,

инструментом для мобилизации населения против Украины и коллективного Запада. Эта эмоция усиливается через образы предательства, агрессии и моральной деградации врага. С 2022 года образ Украины как «неонацистской марионетки Запада» достигает пика, что служит оправданием для военных действий.

Изменения метафорического обрамления

Изменения в метафорах в выступлениях Путина отражают динамику трансформации его пропагандистских нарративов. В риторике Путина на протяжении всех этих лет активно используются метафоры, способствующие укреплению восприятия внешней агрессии и внутренней борьбы.

Метафоры борьбы и выживания: в 2007–2013 годах ключевыми метафорами были борьба за многополярность и защита суверенитета. Россия представляется как страна, отстаивающая справедливость в международных отношениях. Однако к 2014 году метафоры становятся более конкретными: «воссоединение Крыма» изображается как восстановление исторической справедливости, а Украина – как «анти-Россия», созданная Западом для подрыва российской безопасности. В 2022–2024 годах Ключевой метафорой становится «осаждённая крепость». Россия изображается как страна, вынужденная защищаться от внешней агрессии, а Запад – как «империя лжи».

Метафоры защиты: с 2014 года Путин акцентировал внимание на «защите русскоязычных» в Крыму и Донбассе. К 2022 году эта риторика расширяется до нарратива защиты традиционных ценностей и глобального миропорядка, где Россия становится гарантом глобальной безопасности.

Военные метафоры: в 2022–2024 годах метафоры приобретают военный характер, что связано с оправданием реальных военных действий против Украины. Риторика «защиты» сменяется конкретными военными терминами, такими как «специальная военная операция», «оборона» и «военная угроза».

Массированное искажение фактов

Во всех речах Путин использует искажение фактов как элемент манипуляции, но с течением времени масштаб этого явления возрастает.

Искажение фактов о Западе: на протяжении всего периода Запад изображается как деструктивная сила, вмешивающаяся в дела других стран. В начале (2007–2014) акцент делался на критику Запада и его двойные стандарты. С 2014 года и особенно с 2022 года, искажение фактов достигает новых высот. Например, риторика о «неонацистах» на Украине используется для оправдания военных действий, а идея международной изоляции России изображается как западная пропаганда.

Исторические фальсификации: в 2014 году Путин использует исторические искажения для оправдания аннексии Крыма, представляя полуостров как «исконно русскую землю». В 2022–2024 годах искажения усиливаются, включая преувеличение угрозы геноцида и манипуляцию фактами о войне на Донбассе.

Изменения главных нарративов

Многополярный мир: с 2007 года Путин продвигает идею многополярности как альтернативы западной гегемонии. В 2022–2024 годах этот нарратив становится основой для оправдания войны.

Защита традиционных ценностей: с 2013 года Россия позиционируется как защитник традиционных ценностей против моральной деградации Запада.

Русский мир: с 2014 года концепция «русского мира» используется для оправдания вмешательства в дела соседних стран, особенно Украины.

Заключение

Проведённый анализ показал, что пропагандистский дискурс Владимира Путина в 2007–2024 гг. демонстрирует последовательную и многомерную эволюцию, отражающую изменения как внутренней идеологической повестки, так и международного контекста. На протяжении семнадцати лет риторика смещается от рационально аргументированной критики мирового порядка к эмоционально насыщенному, мобилизационному и во многом апокалиптическому нарративу.

В начальный период (2007–2013) выступления Путина строились преимущественно на логике международных отношений, дискурсе суверенитета и многополярности. Однако уже в 2014 году, после аннексии Крыма, наблюдается качественное усиление эмоциональных и символических элементов: формируются нарративы исторической миссии, культурной исключительности и обороны от внешних угроз.

К 2022 году происходит наиболее радикальный поворот: обе февральские речи – 21 и 24 февраля – содержат элементы тотального противостояния, в которых Украина и коллективный Запад описываются как силы, угрожающие самому существованию российского государства. Фрейм «безопасности» окончательно трансформируется в фрейм «выживания», что становится центральной когнитивной опорой пропагандистского дискурса.

В 2024 году, в условиях продолжительного вооружённого конфликта, риторика достигает максимальной степени драматизации: Россия предстает как «цивилизационная крепость», противостоящая глобальному злу. В этом периоде наиболее отчётливо проявляются элементы эмоциональной мобилизации, демонизации оппонента, историко-мифологического моделирования и стратегий запугивания, описанных в модели 4D, разработанной Беном Ниммо и подробно представленной в учебных материалах Университета Мичигана (*What is Disinformation, Misinformation, and Fake News?*, 2022), а также в авторской модели 4M.

Таким образом, можно выделить несколько устойчивых тенденций:

1. Усиление эмоционального компонента, доминирование чувств над аргументами;
2. Радикализация фреймов, смещение акцентов от политической критики к экзистенциальным угрозам;
3. Системная поляризация дискурса, основанная на бинарных оппозициях «мы – они», «истина – ложь», «цивилизация – варварство»;

4. Возрастающая роль историко-мифологических конструкций как средства легитимации решений.

Эти изменения свидетельствуют о превращении политического дискурса в инструмент идеологического конструирования реальности, где нарративы используются для формирования коллективных эмоций, восприятия угроз и представлений о миссии государства.

Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области политической лингвистики, в частности — для анализа механизмов восприятия подобных нарративов в других культурных и медиальных контекстах.

Библиография / Bibliografiâ

Fauconnier G., Turner M. (1998), *Conceptual Integration Networks*, «Cognitive Science», nr 22(2), s. 133–187.

Fauconnier G., Turner M. (2002), *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, New York: Basic Books.

Fillmore C.J. (1982), *Frame Semantics*, [w:] *Linguistics in the Morning Calm*, Seoul: Hanshin, s. 111–137.

Gawarkiewicz R. (2024), *Narracja wojenna prezydenta Federacji Rosyjskiej. Analiza przestrzeni mentalnej wygenerowanej przez W. Putina w wystąpieniach do narodu*, «Przegląd Wschodnioeuropejski», nr 15(2), s. 181–197, https://www.uwm.edu.pl/cbew/2024-15-2/13_gawarkiewicz-r.pdf [dostęp: 27.11.2025].

Lakoff G. (2004), *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*, White River Junction, VT: Chelsea Green.

Libura A. (2010), *Teoria przestrzeni mentalnych i integracji pojęciowej. Struktura modelu i jego funkcjonalność*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, s. 13–58, <https://repozytorium.uni.wroc.pl/Content/131383/PDF/A.%20Libura.pdf> [dostęp: 27.11.2025].

Ornatowski C. (2021), *Retoryka uzbrojona: walka o świadomość we współczesnej przestrzeni medialnej*, «Res Rhetorica», nr 8(4), s. 14–39, <https://resrhetorica.com/index.php/RR/article/view/617/314> [dostęp: 27.11.2025].

Putin V. (2013), *Zasedanie międzynarodowego dyskusyjnego klubu «Walдай», 19 сентября 2013 года / Zasedanie międzynarodowego dyskusyjnego klubu «Valdaj», 19 sentâbrâ 2013 goda*, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19243> [dostęp: 27.11.2025].

Putin V. (2014), *Обращение Президента РФ по поводу принятия Крыма в состав России, 18 марта 2014 года / Obraŝenie Prezidenta RF po povodu prinâtiâ Kryma v sostav Rossii, 18 marta 2014 goda*, <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> [dostęp: 27.11.2025].

Putin V. (2022a), *Обращение к гражданам России, 21 февраля 2022 года / Obraŝenie k graždanam Rossii, 21 fevralâ 2022 goda*, <http://kremlin.ru/events/president/news/67828> [dostęp: 27.11.2025].

Putin V. (2022b), *Обращение к гражданам России, 24 февраля 2022 года / Obraŝenie k graždanam Rossii, 24 fevralâ 2022 goda*, <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> [dostęp: 27.11.2025].

Putin V. (2024), *Встреча с руководством МИД России, 14 июня 2024 года / Vstreča s rukovodstvom MID Rossii, 14 iúnâ 2024 goda*, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/74285> [dostęp: 27.11.2025].

Tabakowska E. (2010), *O przestrzeniach mentalnych i interpretacji tekstu*, [w:] J. Górniewicz, H. Grzmil-Tylutki, I. Piechnik (red.), *En quête de sens. Études dédiées à Marcela Świątkowska*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, s. 594–603, <https://ruj.uj.edu.pl/bitstreams/43fbe4c4-a477-41ee-86d6-cf4baf37aba5/download> [dostęp: 27.11.2025].

What is Disinformation, Misinformation, and Fake News? (2022), University of Michigan, <https://online.umich.edu/teach-outs/disinformation-misinformation-and-fake-news-teach-out/lessons/4d-model-disinformation-campaigns/> [dostęp: 27.11.2025].